М. КОРШУНОВ

РАССКАЗЫ СТАРОГО ШАХТЁРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

М. КОРШУНОВ

РАССКАЗЫ СТАРОГО ШАХТЁРА

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1981

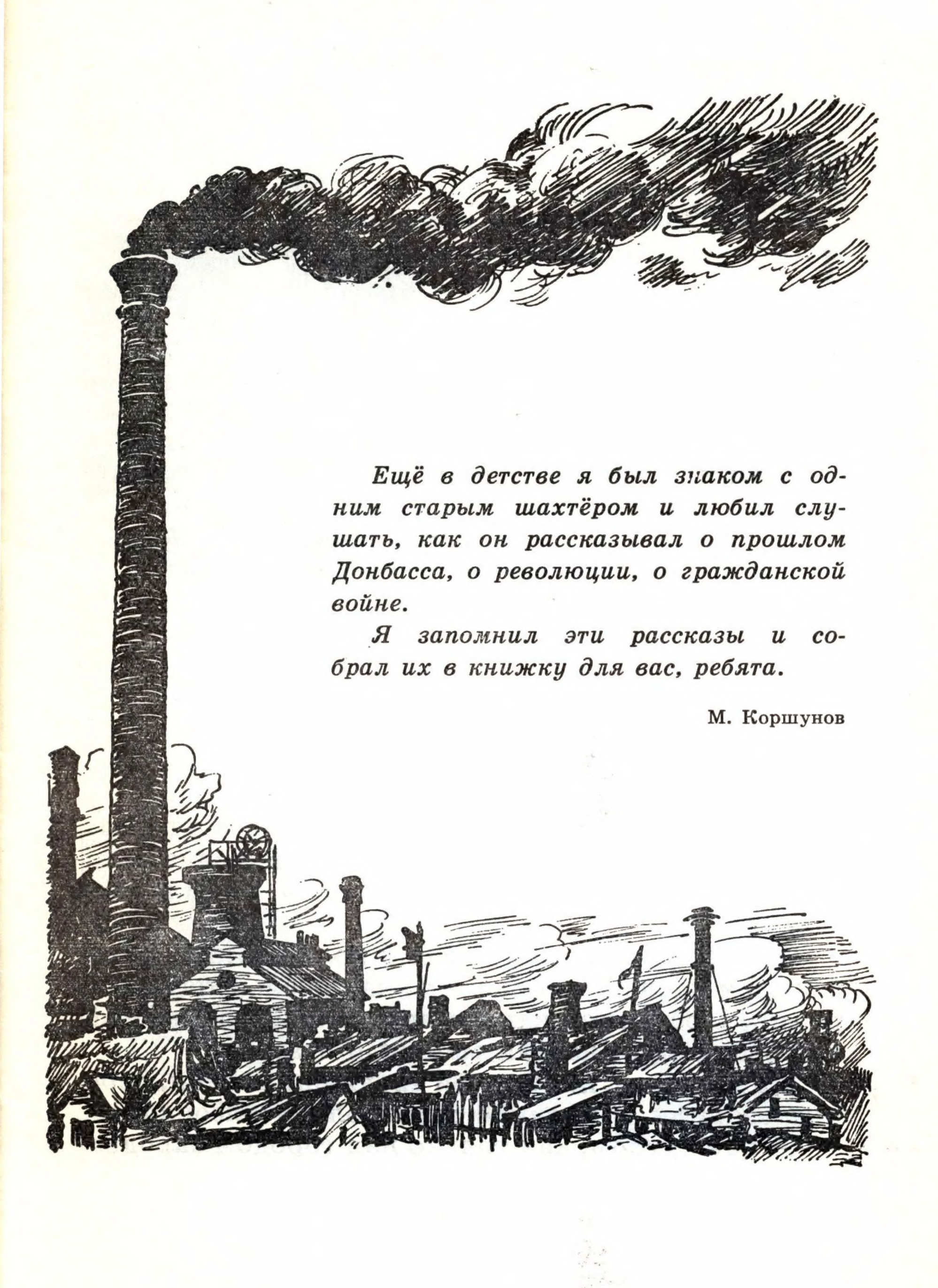

Р2
К70

Шестое издание

Рисунки Л. Хайлова

К $\frac{70802-009}{М101(03)81}$ 346—81

Ещё в детстве я был знаком с одним старым шахтёром и любил слушать, как он рассказывал о прошлом Донбасса, о революции, о гражданской войне.

Я запомнил эти рассказы и собрал их в книжку для вас, ребята.

М. Коршунов

ЛИСТОВКИ

Листовки должны были прочитать все в городе. Можно ли такое сделать или нельзя? Рабочие механической мастерской «Вильде и К°» решили, что можно.

У себя на производстве они пользовались канифолью и маслом олеонафтом: канифолью натирали ремни, чтобы не соскакивали со шкивов, а олеонафтом смазывали детали машин и станков.

На жаровне, на которой грели паяльники, рабочие сварили в чугунце канифоль с олеонафтом.

А рано утром, как только над городом зародил-

ся рассвет, на деревянных столбах и заборах были расклеены листовки.

Полиция немедленно получила приказ от градоначальника — листовки уничтожить. Но не тут-то было: пропитанные клеем, они въелись в столбы и заборы, точно сами стали деревянными.

Полицейские пытались их содрать, смыть холодной водой, горячей — безуспешно.

Прошёл дождь — висят листовки...

Греет солнце — висят, не отсыхают...

В городе давно уже успели их прочитать, а они всё висят.

Тогда полицейские появились с рубанками. Злые и потные, бренча тупоносыми палашами, полицейские неумелыми руками начали строгать столбы и заборы.

И так, под пересмешки горожан и мальчишек, строгали они их до позднего вечера.

ПОСЛОВИЦА

Судили рабочего-агитатора. На суд был вызван свидетелем урядник Дудыкин.

Он стоял перед прокурором в полной выкладке: синий мундир, лакированные ремешки, жёлтая кобура, густо навощённые мазью сапоги; каблуки вместе, носки врозь. При этом он пялил грудь в малиновых шнурах — изображал усердие — и молчал.

Зал суда заполнили рабочие: процесс был объявлен открытым, показательным.

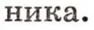
— Свидетель Дудыкин! — говорит прокурор.

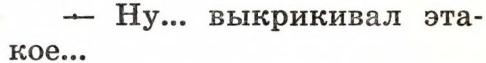
— Я как есть, ваше высокородие! — хлопает каблуками урядник Дудыкин.

— Отвечайте суду, что выкрикивал этот человек на заводском дворе, какие слова? — И прокурор кивком показывает на рабочего-агитатора.

— Он... ваше высокородие,— мнётся, скрипит амуницией урядник.

Над головой прокурора в позолоченном багете висит портрет царя. Царь глядит упрямо на урядника.

— Ну... выкрикивал этакое...

— Что — этакое?

— Этакое такое...

Прокурор пытается прийти на подмогу урядику:

— Что-нибудь неугодное правительству или императору?

— Да не-ет...— Урядник пыхтит, ёрзает шеей в тугом воротнике мундира.

— Ну, а что же? Отвечайте наконец.

— Пословицу.

— Пословицу?! — повторил удивлённый прокурор, сдёргивая тонкое золотое пенсне.— Какую?

— Народную пословицу.

— А какую именно?

Урядник с отчаянием вздохнул своей синей, в малиновых шнурах грудью, погромче прихлопнул каблуками и чётко отрапортовал:

— Долой царя!

БОМБА

В сыскной комнате вдоль стены на лавке сомлели от испуга, застыли жандармы. Их взгляды были направлены на стол, на котором лежала бомба — чёрная, гладкая, внушительная.

Только что в сыскную комнату ворвались неизвестные люди в пиджаках, внесли эту чёрную гладкую бомбу, положили её посреди стола и потребовали, чтобы не было никакого шевеления, а то-де, не ровён час, бомбочка злонамеренно пыхнёт, и от господ жандармов могут остаться одни фу-фу!..

Потом они выпустили из сыскной комнаты недавно задержанного коммуниста и провели от бомбы за дверь маслянистый гибкий шнур.

Кто знает, куда они его провели!..

Жандармы уныло сопели в своих тесных пыльных мундирах и не двигались, а только тянули к столу уши, прислушивались: не пущена ли в бомбе заводная пружина? Но, кроме гудения ленивой от жары мухи, которая время от времени стукалась об оконное стекло, и тогда внутри у мухи что-то особенно громко дребезжало, да осипшего мычанья коровёнки на соседнем дворе, ничего не было слышно.

Но вот в прихожей раздались торопливые резкие шаги, и в сыскную комнату почти вбежал жандармский офицер:

— Где арестованный, суконные идиоты?

Усики жандармского офицера топорщились, глаза от гнева побелели.

Один из жандармов с опаской кашлянул и тихо пробормотал:

— Осторожно, ваше благородие, бомба тут...

— «Бомба! Бомба!» — передразнил жандарма офицер, выхватил из ножен шашку и с маху рубанул по бомбе — хрясь!..

Жандармы вздрогнули. Бомба распалась на две половинки.

Это была крашенная чёрной краской, спелая, сочная тыква.

ДЕТИ ШАХТЁРОВ

— Все собрались? — спросил Прохор Герасимович.

— Все,— ответили ребята.

Сидели во дворе шахты, в тени старой водоотливной машины. Здесь было безопаснее всего: полицейские и чиновники из конторы сюда не заглядывали.

— Так вот,— сказал Прохор Герасимович.— Сегодня вечером перенесёте трубы и установите на терриконе, что от Байдановской шахты остался.

— Дядечка Прохор, Байдановский террикон — это тот, что возле полицейской управы, да? — поинтересовалась Фрося по прозвищу Девчонка — чёрная копчёнка. Лицо и руки у неё были чёрные: она вместе с пожилыми женщинами

выбирала из угля пустую породу. Из этой пустой породы и состояли терриконы — огромные насыпи.

— Да, тот самый,—кивнул Прохор Герасимович.— Когда стемнеет, закопаете трубы, как я вам объяснял, и по домам. Яков, а заглушки вы напилили?

— Напилили, Прохор Герасимович. Десять штук.

— Хватит.

— А я тряпок наготовила,—сказала Вера. Она была в холщовом фартуке и с проволочной кочерёжкой. Вера тоже выбирала из угля пустую породу.

— А я вёдра припасла,— добавила Нюша.— Два ведра.

Поблизости под откосом зашумел, осыпаясь под чьими-то ногами, шлак. Все замолкли. Шум тоже прекратился.

— Кто там таится, выходи! — громко сказал Прохор Герасимович, который уже успел заметить ребячью голову, белёсую от солнца.

— Я,— ответили басом из-под откоса.

— Кто «я»? Что за горобец[1], выходи!

Медленно и неохотно вышел маленький взъерошенный паренёк в линялой сатиновой рубахе и в истёртых на коленях штанах. Он действительно был похож на горобца.

— Васёк? — удивился Яшка.— Опять ты подглядываешь? Я же тебе повелел — сиди дома.

— А я не подглядываю,— хмуро ответил Васёк.— Я подслушиваю.

---

[1] **Горобéц** — по-украински: воробей.

— Ох и упорливый ты! — как бы оправдываясь за брата, вздохнул Яшка. — Хуже, чем лошак какой...

Васёк, поняв, что сейчас решится его участь, обратился к Прохору Герасимовичу:

— Примите меня. Я теперь всё могу делать.

— А раньше не мог, значит?

— Не мог. Ботинки у меня совсем новыми были.

— Это как же? — не сразу понял Прохор Герасимович.

— Ну-у, новыми. А теперь они старые. По чём хочу, по том и хожу. Хочу — по воде, хочу — по пылюке.

Ребята засмеялись. Прохор Герасимович тоже засмеялся.

В это время из посёлка долетел громкий женский голос:

— Ванёк! Васёк! Сидор! Пашка! Андрей! Яшка! Куда же вы, разбойство моё, подевались? Яишня простынет!

— Наша мамка! — пробурчал Андрей. — На всю слободу митингует.

— Ну ладно. Пошли по домам, — сказал Прохор Герасимович и поднялся с чугунного колеса, на котором сидел, в шахтёрском тельнике, высокий, сутулый от многих лет работы в низких забоях.

Ребята начали расходиться. Шесть братьев послушно направились домой. А над посёлком разносился сердитый голос:

— Ванёк! Васёк! Сидор! Пашка!..

*

Сгустились сумерки. В шахтёрских бараках засветились огни керосиновых ламп. Над вершинами терриконов, где недавно высыпали пустую породу,

виднелось голубое пламя: в пустой породе много серы, поэтому терриконы вечно тлеют.

Ребята по двое и по трое переносили на Байдановский террикон уже негодные газовые трубы. Эти трубы валялись подле шахт. И то, что ими занимались дети, никого не удивляло. Дети часто играли на терриконах, пекли в них картошку.

Но теперь это была уже не просто игра, а задание от рудничного комитета большевиков.

На шахту требовалось незаметно провезти грузовик с оружием для восстания шахтёров. А как его провезёшь, когда полицейская управа расположена у самой дороги?

Вот тут-то и пришла на выручку хитрость, которую придумал старый забойщик Прохор Герасимович.

Выполнить эту хитрость должны были ребята. Командовал ребятами Яшка, как самый старший. Он уже работал в шахте: отгребал от забоя уголь.

Когда перенесли все трубы, взялись за лопаты. Васёк тоже взялся за лопату, хотя ручка лопаты была гораздо выше самого Васька.

— Поглубже копайте, поглубже! — наставлял Яшка.

— Да там горячо, в глубине-то,— жаловался Васёк. Он всё-таки беспокоился о своих ботинках.

Рыхлая порода копалась легко.

Трубы, которые ребята принесли, были с одного конца завёрнуты и заклёпаны. Этими заклёпанными концами их и закапывали глубоко в горячий террикон.

Ребята старались не показывать виду, что почти каждый из них прислушивается — не идут ли к террикону полицейские.

В условленном месте, в кочегарке коксовой печи, сидит сейчас Прохор Герасимович. Он, конечно, тоже волнуется за них и ждёт и надеется на своих пацанов-горобцов и девчонок-копчёнок.

В посёлке стояла тишина. Слышался только привычный шум в здании мойки угля, да изредка звенели в шахтах сигналы подъёмных машин.

Когда все трубы глубоко закопали в террикон, их до половины налили водой и потом забили тряпками и заглушками. Труднее всего было вбивать заглушки. Колотили молотком по сосновому брусу, который и вгонял заглушки в трубы.

Наконец справились с последней

заглушкой и, усталые, присели отдышаться.

— То-то полицейских заморочим, — сказал Пашка, растирая ушибленные молотком пальцы.

— Настоящая батарея,— кивнул Сидор.— Как жиганёт по башке — и кудахнуть не поспеешь!

— А вдруг и не жиганёт совсем?—усомнилась Фрося.

— Это почему?

— Ну не получится.

— У Прохора Герасимовича — и чтоб не получилось!..

— А что, разве он пробовал прежде такое?

— А может, и пробовал.

— Будет вам,— махнул рукой Яшка.— Пора в посёлок идти.

Ему надо было ещё заглянуть в котельную и доложить Прохору Герасимовичу, что трубы установлены.

Ночью в полицейской управе началась суматоха. В газовых трубах закипела вода, образовался пар, и трубы открыли стрельбу.

Полиция, путаясь в темноте и ничего не понимая, ринулась к Байдановскому террикону.

А тем временем грузовик с оружием, который был укрыт неподалёку в рощице, выехал на дорогу, благополучно миновал полицейский пост и добрался до заброшенной откосной штольни, где был устроен для оружия склад.

ПЕЧАТЬ

В конце проулка Нюта увидела конных жандармов. Сквозь пыль, поднятую копытами сытых лошадей, посверкивали на солнце кокарды и литые медяшки пуговиц на мундирах.

Нюта кинулась в дом к матери. Она догадалась, что жандармы скачут к ним: ведь Нютина мама, Ольга Егоровна,— член подпольной большевистской партии.

Вскочив на крыльцо, Нюта закричала:

— Мама! Жандармы!

Мать втолкнула дочку в дом, поспешно закрыла дверь на цепочную завёртку:

— Тише... Не кричи.

В окно видно было, как жандармы разделились на две группы и начали окружать дом.

Жандармы подозревали, что в этом бревенчатом домишке, с венцовой рубкой по углам и с провисшей, ветхой крышей, хранилась маленькая резиновая печать коммунистов-подпольщиков.

Ольга Егоровна отперла кожаный баульчик, вытащила из-под шёлковой подкладки печать. Печать необходимо было спрятать.

Но куда?

Подпороть матрац и сунуть в него — найдут. Хитрость с матрацем — это для жандармов не ново. Швырнуть в поддувало печки — разгребут золу и найдут. Закатить под сундук—найдут.

Но куда же тогда? Куда?..

Нюта, испуганная, молча прижалась к столу, на котором стоял

картонный коробок с вязальными спицами и клубками шерсти.

На улице у палисадника уже слышны были голоса жандармов. Жандармы спешились и привязывали к изгороди лошадей.

Ольга Егоровна поспешно вытащила из коробка клубок чёрной распушённой шерсти и сунула его Нюте вместе с печатью.

— Обматывай печать. Быстрее, доченька, быстрее, милая. А я их задержу!

Нюта схватила печать и, волнуясь и торопясь, начала обматывать шерстяной ниткой. Нюта понимала, что безопасность мамы и маминых друзей — подпольщиков — зависела сейчас от проворства её пальцев.

...Шаги жандармов направляются к крыльцу. Вот шаги уже на крыльце.

Нютины пальцы мотают шерстяную нитку, мотают.

Громкий стук в дверь.

— Кто? — спокойно спрашивает мама.

— Откройте!

— Я не одета, подождите.— И мама подходит к

окну так, чтобы её голова и руки заметны были жандармам, и делает вид, что ищет платье.

А Нютины пальцы мотают шерстяную нитку, мотают.

Жандармы подождали минуту-другую, но потом потеряли терпение и загрохотали в дверь сапогами, рукоятками шашек:

— Откройте! Немедленно откройте!

— Сейчас открою. Видите, одеваюсь...

Мама не отходит от окна и смотрит на пальцы Нюты:

— Быстрее, доченька, быстрее!

Хрустят тонкие доски, напряглась, натянулась цепочная завёртка. Из её проушины высыпаются погнутые мелкие винты — один, потом второй, потом третий... Дверь вот-вот распахнётся.

Но ещё одно мгновение — печать обмотана вся, и Нюта бросает её в картонный коробок.

Теперь пусть входят жандармы, пусть попробу-

ют догадаться, где спрятана печать коммунистов-подпольщиков.

Нет, не догадаться им, не найти её в клубке чёрной распушённой шерсти!..

САТИНОВАЯ РУБАХА

Частенько по вечерам, оставшись одна в хате, старуха мать разбирала вещи в своей укладке. Среди старых, потускневших газет, кацавеек, шитых цветной шерстью, и лубяных картинок хранилась красная сатиновая рубашка-косоворотка в пятнах от мазута, с тёмными дырочками — следами от пуль.

Ещё совсем недавно эту сатиновую рубашку разыскивали царские конники. Они врывались в хаты, перетряхивали сундуки и укладки, вспарывали саблями матрацы и подушки, гремели в подвалах крынками и чугунами — всё искали её.

Принадлежала рубашка шахтёру Ермоше. Работал он рукоятчиком, управлял клетью — подъёмником шахты.

Каждое утро клеть, при которой дежурил Ермоша, опускала в шахту рабочих, и поэтому не было в посёлке человека, который не знал бы Ермошу.

Ходил он в кепке, чёрный от мазута, в красной сатиновой рубашке и с плоским ящичком на верёвке через плечо, тоже чёрным от мазута. В ящике у Ермоши лежали инструменты — большой гаечный ключ, молоток, зубило. Но летом в нём среди инструментов появлялись васильки.

Когда утром Ермоша шёл на работу, он собирал их в поле и прятал в ящик, чтобы никто не видел.

В посёлке среди прочих калиток была одна узенькая из неструганых досок, с петлями из кожи-

цы, с деревянным, на гвозде, воротком-запором. А возле калитки стояла скамеечка на двух столбцах.

Вот на этой скамеечке Ермоша незаметно от всех оставлял васильки.

За калиткой в подбелённой синькой хате жила девушка. Она и забирала Ермошины цветы.

Однажды случилась на шахте забастовка. Давно уже среди шахтёров возникло недовольство: продукты в лавках по рабочим книжкам выдавали недоброкачественные, в забоях случались обвалы, потому что лес для креплений подрядчики продавали гнилой, плохо работала вентиляция и люди отравлялись угольными газами.

И вспыхнула накипевшая за долгие годы обида: «Хватит! Терпели! Последнюю нитку с плеч срывают!»

Шахтёры окружили здание конторы и потребовали, чтобы к ним на переговоры вышел главный инженер. Но главный инженер отказался вести переговоры и вызвал по телефону из уездного гарнизона царских конников.

Они прискакали в посёлок при саблях, карабинах и с подсумками, полными патронов.

Впереди — офицер в башлыке с кистями и в длинной тяжёлой бурке. Он приказал с ходу атаковать бунтовщиков и разогнать их.

Шахтёры начали вооружаться рудокопными ломиками, обрезками газовых труб, кирками, лопатами.

Ермоша крикнул:

— Флаг! Нужен красный флаг!

Но флага не было.

Тогда Ермоша снял свою красную сатиновую рубашку, привязал за рукава к высокой палке и поднял над головой как флаг.

Конники теснили шахтёров лошадьми, били плашмя саблями и прикладами карабинов.

Но шахтёры плотным кольцом закрыли Ермошу с флагом и решили не сдаваться.

В конников полетели гайки, болты, шахтёрские лампы, булыжники мостовой.

Рухнул во дворе фонарный столб. Со звоном посыпались стёкла в здании конторы, где спрятался главный инженер.

Ермоша, без кепки, голый по пояс, мускулистый, в одной руке держал древко флага, а в другой — большой гаечный ключ. Через плечо у Ермоши болтался ящик с инструментами.

Флаг обстреливали из карабинов, к нему пробирались конники.

Но Ермоша и рабочие отбивались от конников и флаг не уступали.

Стоять и не сдаваться!

Из посёлка на подмогу к шахтёрам прибежали женщины с острыми кольями и кусками породы и антрацита.

Вскоре из гарнизона прибыл дополнительный отряд конников, и только тогда удалось сломить сопротивление рабочих.

В бою погиб Ермоша. Офицер в длинной тяжёлой бурке зарубил Ермошу саблей. Лошади растоптали его ящик с инструментами, а в ящике и васильки, которые Ермоша не успел оставить утром на скамеечке у калитки.

Но флаг царские конники не захватили. Он исчез!

Когда они перестали его искать, к матери Ермоши пришла девушка и отдала ей красную сатиновую рубашку в пятнах от мазута, с тёмными дырочками — следами от пуль.

— Откуда она у тебя? — спросила мать, прижимая к груди рубаху́ сына.

— Я её прятала,— ответила девушка, поцеловала старуху и тихо ушла.

А старуха долго ещё стояла у порога хаты, держала рубаху и плакала.

ЛЮДИ ИЗ БАЛАГАНА

Красные отступили, и солдатам генерала Гумилевского удалось захватить местечко Иловайск. В окно видно было, как по просёлку, взмётывая грязный занавоженный снег, приседая на увалах, мчались троечные крестьянские сани: солдаты направлялись к балагану, в котором артельно жили горнорабочие — плитовые, вагонщики, крепильщики.

— Когда же они, злыдни, угомонятся,— вздохнула артельная стряпуха Аграфена.— И тиранят народ, и тиранят...

Сани остановились у дверей балагана. Из саней вышли ротмистр в английской коричневой шинели, двое солдат, местный поп Захарий в пальто с козьим воротником и плотник Спицын, тоже из местных, со своим плотничьим ящиком.

Солдаты принуждали шахтёров спуститься в шахту и возобновить добычу угля. Но шахтёры отказывались работать на белых. Их уговаривали, пытались подкупить, запугивали — шахтёры стояли на своём и работу бойкотировали. Они знали, что уголь требовался белым для отправки за границу, откуда они взамен получали оружие и продовольствие.

Первым в балаган вошёл ротмистр с солдатами, за ним Захарий и Спицын. Ротмистр перчаткой отряхнул с погон снег и небрежно кивнул попу.

Захарий раскрутил шарф, которым были укутаны его плечи, расчесал пальцами застывшую на морозном ветру бороду, тихонько погудел, опробовал голос и вознёс, будто молитву:

— Христиане, сеятели труда! Сознавая ничтожество своё перед творцом, не гневите его, выступайте на работу и принесите этим творцу покаяние своё, любовь и благодарность.

Шахтёры равнодушно молчали.

— Видят телесные очи мои, что вы забыли храм господень, не ходите в него...

— А у нас вот Жохов один в храм ходит и на всех молитву в шапке приносит,— перебил попа кто-то.

Шахтёры засмеялись: плитовой Жохов давно уже был отлучён от церкви.

— Огорчительно шутить да проказить над церковью. Все богу молятся. Вор и тот богу молится...

— Молится! — опять перебили попа.— Да чёрт его молитву перехватывает!

— Кара для вас будет тяжкой, как для тех, кто без меры согрешает. Одумайтесь...

С нар поднялся Жохов в верёвочных лаптях — чунях, в нагольной рубахе и в стёганых штанах с нашитыми под коленями кусками овчины, чтобы штаны не рвались при работе в забое,— хмурый и спокойный, старшина балагана.

Он прошёл мимо попа к бочке с водой, снял с её края ковшик с загибкой, зачерпнул воды, отпил несколько медленных глотков, потом повесил ковшик на прежнее место и сказал:

— Сам, Захарий, в забой полезай.

Ротмистр зло сжал губы, коротко приказал плотнику и солдатам:

— Приступайте!

Спицын подошёл к окнам, достал из своего ящика отвёртку, стамеску и молоток:

— Вы меня, ребята, не судите строго. Я ведь человек подневольный.

— Оно и видно.

— Не разговаривать! — прикрикнул ротмистр.

Застучал по балагану молоток: Спицын начал выставлять оконные переплёты. Солдаты перетаскивали их во двор и складывали в сани.

В балаган хлынул мороз, подуло снегом. Заплакали испуганные дети. Матери утешали детей, при-

жимали к себе. А мороз всё гуще и плотнее заполнял балаган, изгоняя из него теплоту и уют людского жилья.

Когда вынули все переплёты, ротмистр, натягивая тугие замшевые перчатки, сказал шахтёрам:

— Засту́пите на работу—вставлю окна, а нет—подыхайте от мороза. Я тоже умею шуточки пошучивать.

И он направился к выходу.

— Не подохнем! — вслед ему громко ответил Жохов.— Шутил волк с медведем да зубы в горсти унёс!

И люди начали жить зимой в балагане с пустыми окнами. День и ночь топили они шахтёрские железные печки, но уберечься от холода не могли.

Рубахи примерзали к нарам, лица и руки убеляло инеем. Питьевая вода в бочке затягивалась льдом, и лёд приходилось время от времени рубить жигондой — тонкой рудокопной киркой.

Случались бураны, и тогда всех в балагане заваливало снегом. Буран стихал, и снег выгребали лопатами. Аграфена попробовала занавесить окна одеялами, но явились солдаты и одеяла содрали.

И опять шахтёры жили с пустыми окнами.

Никто из них не жаловался. Терпели все — и мужчины, и женщины, и дети.

Но вот в один из дней послышался далёкий орудийный гул: красные наступали. С каждым часом гул всё приближался.

Люди из балагана выходили в снежную степь и подолгу стояли в степи, прислушивались к этому орудийному гулу: значит, вытерпели, значит, дождались своих!

ВЕДРО КАРТОШКИ

Каждую субботу в городе Славянске появлялись прокламации, отпечатанные на грубой бумаге.

В прокламациях от имени подпольщиков-революционеров сообщалось о всех несправедливостях и беззакониях, учиняемых властями над жителями города.

Полицейские давно уже разыскивали, где скрывается типография, в которой подпольщики печатают прокламации.

Начальник полиции Лев Потапович Гримайло каждую субботу утром собирал в своём кабинете подчинённых и, размахивая перед их носами строгим указательным пальцем, говорил:

— Гэть по всем улочкам и переулочкам! Найдите, где выпускают ту печатную крамолу!

И полицейские, пугая кошек и собак, шныряли по всем улочкам и переулочкам. Они заглядывали в калитки и подворотни. Лазили по чердакам и сараям. Разбирали дрова, сложенные на зиму в поленницы. Всовывали головы в сырые колодцы и горячие дымоходы — всё искали, где выпускают ту печатную крамолу.

А вечером, усталые и отупевшие, в паутине и сухих мухах, с перепачканными сажей коленями, являлись перед начальником и рапортовали:

— Никак нет! Крамольники не обнаружены!

Лев Потапович Гримайло сидел в дубовом кресле зелёный от злости, потому что перед ним лежала свежая прокламация, которую «крамольники» уже успели отпечатать и распространить по городу.

*

В центре города, возле коновязи и водокачки, стояла сапожная мастерская.

На фанерной вывеске рукой умельца-самоучки была нарисована ворона. В кривом клюве ворона держала за матерчатое ушко чёрный сапог: заходи любой прохожий, и тебе здесь починят башмаки и сапоги.

В парусиновых фартуках на низеньких табуретах сидели сапожники и стучали молотками, приколачивая к башмакам кленовыми шпильками набойки и подмётки.

Иногда сапожники стучали особенно громко, потому что в это время в подвале мастерской — там, где лежали деревянные колодки, старая обувь, мешки с обрезками кожи и войлока,— работал маленький печатный станок.

Грубая пеньковая бумага накладывалась на шрифт типографского набора, прокатывалась сверху резиновым валиком, и когда бумагу снимали с набора, это была уже не просто бумага, а прокламация. Её читали и передавали друг другу сотни людей, прятали от полиции, за неё шли в тюрьмы и в ссылку.

Прежде чем набрать для машины текст прокла-

мации, сапожники ждали, когда дощатая дверь мастерской, брякнув пыльным колокольцем, широко распахнётся и войдёт Арина в белой накрахмаленной косынке, в сарафанчике, в стеклянных бусах, с перекинутыми через плечо мужскими сапогами.

— День добрый, хлопцы-чеботарники! — говорила Арина по-украински певуче и мягко.

— Здравствуй, дивчина захожая,— отвечал старший из сапожников Филат Шатохин.

— Чёботы до ремонту возьмёте?

— Возьмём.

И Шатохин принимал от Арины сапоги, разглядывал их, покачивая головой:

— Пообносились.

— Батька говорит, что ещё дюже крепкие!

Филат Шатохин улыбался, весело подмигивал Арине и уходил в подвал.

Арина была связной из соседнего подпольного центра на содовом заводе. Разговор насчёт батькиных сапог был условным. Он означал, что у них на содовом заводе всё в порядке, «дюже крепко», а в сапогах, в промасленной вощёнке, лежал шрифт. Шрифт был один и для содового завода и для сапожной мастерской, поэтому его приходилось пересылать друг другу.

*

В этот день в мастерской ждали Арину со старыми чёботами батьки, но она не пришла. На следующий день Арина тоже не пришла, а явился новый связной и рассказал, что Арину задержали полицейские. Случилось это на мосту через Донец.

Полицейские останавливали всех, кто направлялся в город, и обыскивали. Захотели они обыскать и Арину. Тогда она сделала вид, что испугалась, и случайно уронила сапоги в воду.

Полицейские решили достать сапоги, услужить Арине: девушка она была видная, красивая.

Сапоги они достали, но вместе с сапогами достали и шрифт, который, правда, успел из сапог вывалиться.

Арина тут же заявила, что о шрифте не имеет никакого понятия — мало ли что на дне речки валяется?.. Ей про это почём известно!

Арину всё-таки задержали и отправили в участок.

На свидание к Арине пришла сестра. Через сестру Арина и передала товарищам, как было дело. Так что шрифт пропал. И теперь нужно ждать,

когда из партийного центра пришлют новый. Арина же от полицейских, возможно, открутится, потому что прямых доказательств её вины у них нет, да и у администрации завода она на хорошем счету.

Филат Шатохин выслушал всё это и призадумался. Призадумались и его друзья-сапожники. Они понимали, что начальник полиции будет торжествовать победу: шрифт у него и прокламации исчезнут. Тем более, сегодня суббота. И Арину надо поскорее вызволить из участка. А для этого лучше всего, чтобы в городе вновь появились прокламации.

Лев Потапович Гримайло действительно торжествовал: шрифт был конфискован, и не видать теперь горожанам большевистских прокламаций.

Пусть думают, что подпольщики обнаружены и заперты в тюрьму.

Но Филат Шатохин был опытным революционером. Он сказал друзьям:

— Пусть кто-нибудь сбегает на базар и купит ведро картошки.

— А на что картошка? — не поняли друзья.

— Будем тачать шрифт.

— Шрифт?

— Да. Шрифт из картошки.

Сбегали на базар и принесли ведро картошки. Потом уселись на свои низенькие табуретки и острыми сапожными ножами принялись тачать шрифт.

Каждому Филат Шатохин поручил вырезать по нескольку букв, которые размером должны были соответствовать прежним буквам — литерам шрифта.

Всё утро мастерская была занята выделкой литер из картофеля. У кого не получалось ровно, Шатохин браковал и заставлял переделывать.

Когда литеры были наконец вырезаны, их вынесли на солнце подсушить.

И вскоре сапожники опять особенно громко застучали молотками, потому что в подвале начала работать печатная машина.

Прокламации удались на славу — будто их печатали не картофельным шрифтом, а настоящим.

*

В субботу вечером Лев Потапович Гримайло сидел в дубовом кресле опять зелёный от злости, а перед ним на столе лежала свежая прокламация.

Растерянные подчинённые застыли в кабинете.

— А-а! — рычал Лев Потапович. — Это что? Что такое?! — И он сунул под нос полицейским прокла-

мацию.— Привели ко мне какую-то девчонку со старыми сапогами и решили, что крамольники обнаружены!

Полицейские от страха побледнели, а Лев Потапович позеленел от злости ещё больше.

ГОВОРУН

На Арсановском руднике служил бывший подрядчик Жуйкин по кличке «Медный звон».

Он любил произносить долгие, но пустые речи, как говорили шахтёры — «названивать медным звоном».

Однажды в шахтёрском клубе на собрании, на котором решался вопрос о формировании стрелкового полка из шахтёров-добровольцев, на трибуну взобрался Жуйкин и затеял нескончаемую речь.

А время было горячее, нетерпеливое: на Донбасс наступали интервенты и белобандиты, так что пустых говорунов слушать некогда было.

Из президиума собрания Жуйкину кто-то шепчет:

— Уймись! Слазь с трибуны!..

А Жуйкин не унимается.

Его уже за руки тащат, а он ни в какую — отмахивается и «названивает» дальше.

Тогда шахтёры сняли со стола президиума

зелёное сукно, накрыли им Жуйкина и стащили с трибуны. Жуйкин в сукне барахтается, бормочет, пытается ещё что-то досказать.

Но шахтёры покрепче завернули его в сукно, вынесли из клуба и бросили на кучу шлака. А сами пошли на склад получать винтовки и патроны.

МЕДНЫЙ КЛЮЧ

Филька в подтянутой верёвочной опояской шубейке, в поношенной ушанке, насунутой на глаза, вбежал в надворье барака и закричал:

— Терёшка! А Терёшка!

Сильный ветер со снегом бил в грудь, относил крик в сторону.

Фильку схватили за руки и втолкнули в барак. Был ранний час, а в бараке стояла тьма, едва разбавленная утренней морозной синью.

Кто-то зажёг масляный каганец, и тонкая струйка копоти взметнулась к потолку.

В свете каганца Филька увидел своего приятеля, босого, в ватных штанах и ватной куртке.

— Чего разорался? — спросил Терёшка недовольным голосом.— Из-за тебя на мороз босым выскакивай!

Филька вытер рукавом шубейки мокрое от снега лицо и, убедившись, что в бараке все ещё крепко спят, взволнованно заговорил:

— Лямин какие-то запрещённые книжки нашёл, политические!

— Да ну? — удивился Терёшка.— А где нашёл?

— Не знаю. В сундук их запрятал. Мать видела, как он прятал.— И при этом Филька, сын кухарки

Лямина, утвердительно качнул головой, отчего ушанка ещё глубже насунулась ему на глаза.— А на сундук во какой замок навесил! — И Филька широко расставил красные с мороза ладони.— И ключ у этого замка тоже во какой, медный.— И Филька немного сузил ладони.

— Неужто такой здоровый? — усомнился Терёшка.

— Угу. Хочешь, забожусь?

Терёшка махнул рукой — не надо, верю.

— А матери сказал, что пойдёт в Соболевку в полицию заявлять. Как метель утихнет, так и пойдёт. И ещё сказал, что теперь его шапка на столе, а большевиков — под столом.

Терёшка начал поспешно накручивать портянки и натягивать валенки.

— Надо скорее предупредить.

— А кого ты будешь предупреждать?

— Найдётся кого,— ответил Терёшка.

*

Лямин был церковным старостой. Про книги он узнал случайно, когда подслушал в церкви разговор двух старух. Одна рассказывала другой, как она пошла в лесок, что за пожарной будкой, подсобрать гнилушек на растопку, да ковырнула там трухлявый пенёк. А под ним, господи прости, утайка в земле выкопана, и в ней короб, полный книжек, лежит.

Лямин вечером в метель вытащил из-под гнилого пня цинковый ящик с книжками и убедился, что книжки принадлежат смутьянам, которые против царской власти. Тогда он перенёс их в дом и спрятал в сундук до той поры, пока метель спадёт, и

тогда можно будет добраться до города и обо всём доложить полицейской управе.

В посёлке была устроена явка — тайная квартира большевистской подпольной организации Соболевской шахты. Здесь, в тридцати верстах от шахты, хранились в безопасности архивы подпольщиков. Ведал архивом Корней Иванович Мальцев. Только ему одному было известно, что в цинковом ящике среди просто политических книг имеется одна непростая книга, хотя она совсем и не политическая. В этой книге между обычными печатными строчками были записаны бесцветными химическими чернилами выступления коммунистов-соболевцев на партийных собраниях. Называлась эта книга протокольной. Если она попадёт к полицейским, они могут заподозрить что-нибудь неладное, провести по её страницам горячим утюгом, и тогда бесцветные чернила проявятся и прежде невидимое сделается видимым. Полицейские узнают фамилии подпольщиков, сроки намеченных забастовок, адреса явок.

Корней Иванович Мальцев с близкими ему людьми приступил к немедленным действиям: старику Ефремычу было поручено следить за Ляминым, чтобы он ненароком не ушёл в Соболевку, а Терёшке и Фильке приказал обшарить в комнате Лямина все углы и попробовать отыскать ключ от сундука. Корней Иванович был уверен, что ключ где-то спрятан, потому что носить его с собой Лямин не станет из предосторожности.

Чуланчик, в котором жили Филька и мать, помещался рядом с комнатой Лямина. Филька и Терёшка дождались того часа, когда Лямин отправился в церковь, и прошмыгнули к нему в комнату.

— Начнём с комода,— предложил Терёшка.

Филька согласился.

Они выдвинули тяжёлые ящики и просмотрели в них бельё, кульки с крупой, ботинки, связки сухих грибов, но ключа не обнаружили.

— Складывай всё, как было,— предупредил Терёшка Фильку.— Чтоб Лямин не заметил.

Когда с комодом покончили, Терёшка сказал:

— Я огляжу запечье, а ты—притолоки у дверей.

Оглядели — ключа нет.

Слазили под кровать и под стол, подняли тряпичную подстилку и прутиком от веника поворошили в щелях пола, ощупали рваное сиденье плюшевого кресла, перетряхнули подушки и зипуны. Терёшка заглянул даже в пустую лампадку перед иконой, но всё напрасно — ключа нигде не было.

Огорчённые неудачей, ребята вернулись к Мальцеву. Некоторые члены явки предложили подкараулить Лямина, избить его и заставить отдать ключ. А то и просто ворваться в дом и разломать сундук.

— Вы забываете о конспирации,— возразил Корней Иванович.— Сейчас у Лямина только книги, а тогда будут улики против отдельных коммунистов. Всякий шум, всякая гласность нам могут лишь навредить.

Тогда решено было, что Филька незаметно проведёт в дом кого-нибудь из рабочих и тот осмотрит комнату Лямина сам, благо Лямин в церкви.

Но и вторичный обыск ничего не дал — ключа не оказалось. А сундук, как убедились, так сразу разломать невозможно: он обхвачен коваными обручами и прошит заклёпками.

Вечером неожиданно выяснилось, что ключ Лямин прячет в церкви в железной кружке для сбора пожертвований. Дед Ефремыч заметил, как перед закрытием церкви Лямин выгреб из кружки накопившиеся за день монеты и среди них медный ключ. Деньги сложил в мешочек, чтобы отнести священнику, а ключ снова бросил в прорезь кружки.

И опять собрались члены явки: как быть, что делать?

Метель уже стихла, так что к утру следовало ожидать хорошей погоды, и тогда Лямин приведёт из города полицейских и отдаст им книги.

Каждый придумывал своё, и всё это было невыполнимым. Забраться в церковь, но церковь закрыта. Влезть через окно, но на всех окнах решётки: Вытащить кружку рогачом сквозь решётку, но кружка привязана цепью к столбу. Пойти к священнику и под каким-нибудь предлогом попросить

его отпереть церковь, но сам Лямин сидит сейчас у священника, который собрал гостей по случаю престольного праздника.

Думали, так и этак прикидывали, каким путём выручить ключ, но ничего путного придумать не могли. Тут попросил разрешения высказаться старик Ефремыч. Он поднялся со скамьи, поскрёб пальцем подбородок, прищурился и неторопливым говорком начал:

— И то ж помнится, когда я мальчонкой был, довелось мне в пастушатах у попа Феоктиста батрачить, за гусями доглядывать. А тот поп Феоктист...

Кто-то в раздражении перебил Ефремыча:

— Не до того нынче, чтоб жизнь свою вспоминать.

— Это кому как,—упрямо возразил Ефремыч.— Может, у меня в жизни было такое, что к церковной кружке прямое отношение имеет.

Ефремыч вдруг обиделся и закончил своё выступление словами:

— Возьму-тка я Фильку и Терёшку, и этот самый злочестивый ключ мы вам из церкви принесём. А уж каким манером, про то забота моя.

*

К ночи метель смолкла, и в небе крупным зерном рассыпались звёзды. Посёлок дремал в белом дыму потухающих очагов, тёмный и притихший. Только в усадьбе священника мерцали жаркие огни керосиновых ламп и слышны были пьяные голоса гостей.

Старик Ефремыч, Терёшка и Филька направились к церкви.

Морозная дорога громко повизгивала под валенками. Низкие звёзды горели ярко, и поэтому идти было светло. Старик Ефремыч нёс хворостинную удочку. Филька — банку с тёплой водой, которую он укрывал под шубейкой, чтобы вода не замёрзла. Так велел Ефремыч. А Терёшка шагал с деревянной лопатой. Терёшка подпрыгивал от нетерпения и приставал к Ефремычу:

— Дедушка, вы ключ будете удить?

— Буду.

— А как же удочка у вас без крючка? Голая верёвка болтается.

— А вот так и буду голой верёвкой удить,— хитро посмеиваясь, отвечал старик Ефремыч.

Филька молчал, молчал и тоже не утерпел, полюбопытствовал:

— Мы что, на церковь полезем?

— Это к чему? — в свою очередь озадачился старик Ефремыч.

— Удить через трубу будем, что ли?

— Где это ты на церквах трубы видел?

— И то верно,—согласился Филька.—Не видел.

Возле церкви никого не было. Проворно разгребли лопатой снег и подобрались к тому окну, на которое указал старик Ефремыч. Окно было выложено мелким цветным стеклом и покрыто витой ржавой решёткой.

Старик Ефремыч рукоятью лопаты продавил одно из мелких стёкол. Оно только слабо хрупнуло на морозе и выкрошилось. Тогда Ефремыч размотал удочку, расчесал, разлохматил конец бечёвки и обмакнул его в банку с водой. Потом сунул удочку в окно. Терёшке и Фильке велел следить, чтобы никто не показался поблизости, а сам начал приглядываться внутрь церкви и водить удочкой, целиться

в прорезь кружки. После долгих трудов ему удалось завести бечёвку в кружку, и он стал ждать.

Ребята разминали ноги, следили по сторонам, нет ли кого, и тоже ждали.

Когда прошло с четверть часа, старик Ефремыч осторожно потянул удилище из окна церкви.

Терёшка и Филька, не в силах превозмочь любопытство, подбежали к Ефремычу. А он всё продолжал медленно и осторожно тянуть удилище. Наконец показалась бечёвка, а на конце её, покачиваясь и поблёскивая, повис медный ключ.

Ребята обмерли от удивления. Первым опомнился Терёшка.

— Эва!—воскликнул он в восхищении.—Ключ-то к бечёвке примёрз! Ну и ловко вы его выудили!

— Угу,— подтвердил Филька.— Примёрз.

— Теперь увидим, где чья шапка окажется,— сказал старик Ефремыч, пряча ключ в карман тулупа и поглядывая на усадьбу священника. В усадьбе по-прежнему мерцали огни керосиновых ламп и слышался гомон пьяных гостей.

*

Кони бежали лёгким шагом, ходко тянули дорожные санки с широкими подрезами. В санках, в густых стеблях обмолоченной ржи, был спрятан цинковый ящик с архивом соболевских большевиков. Возле ящика сидел Корней Иванович Мальцев. На передке за кучера расположился старик Ефремыч.

Архив перевозили на новую явку в соседний посёлок, чтобы скрыться от полицейских, если их всё-таки приведёт церковный староста.

НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Открылась дверь камеры, и конвоир вызвал Сашу Леванову.

Заключённые не пытались ободрить Сашу: ведь её опять будут бить, так бить, как никого другого в этой камере.

Контрразведке деникинцев стало известно, что Саша Леванова послана из Харькова в Мушкетово с приказом от большевистского центра для повстанцев: когда выступать, с кем объединяться, кого назначить главным.

Сашу схватили в Мушкетове тут же на станции,

обыскали, но ничего не нашли. Может, она успела передать приказ в поезде? Но кому? Пусть назовёт фамилию! А может, она выучила его наизусть, тогда тоже пусть скажет!

Её били хлыстом.

— Будешь говорить?

— Нет!

Её били проволокой.

— Будешь говорить?

— Нет!

Её били камчуком — ремённой нагайкой с пулей на конце.

— Будешь говорить? Будешь?.. — И начальник контрразведки толкал в висок тёмным дулом нагана.

Опухшая от ударов, обессиленная, она только упрямо мотала головой — нет, она ничего не будет говорить!

— Ну ладно. Мы ещё немного подождём,— наклоняясь над ней, зло дышал в лицо начальник контрразведки.— Слышишь, немного...

Но Саша уже ничего не слышала: она была без сознания.

В камере среди заключённых находилась бывшая больничная сиделка Дарья Никитична. Она заботилась о Саше: соскабливала со стен камеры, где почище, глину, разводила в воде и замазывала раны. Саше от этого становилось легче. Она благодарила Дарью Никитичну пожатием усталых от боли пальцев.

Иногда ночью, когда в камере спали, Саша, уткнув лицо в ладони Дарьи Никитичны, долго плакала, пока не засыпала вся в неостывших слезах.

А утром по коридору слышались равнодушные шаги конвоира. Конвоир шёл за Сашей.

Саша испуганно вскакивала и начинала срывать с себя повязки. Кровь заливала ей руки и ноги.

— Лучше сама...—торопливо говорила Саша.— Лучше сама... Они нарочно отрывают медленно. Быстрее рвать— легче.

...Сашу уводили. И опять плети, тёмное дуло нагана, проволока, мокрые доски топчана и те же неотступные вопросы: где приказ? Где? Отвечай!

Саша молчит. Она слышит только удары своего сердца — нет, не будет она отвечать, нет!

Очнувшись уже в камере, Саша подозвала Дарью Никитичну:

— Завтра меня казнят. Я знаю. Я чувствую.

— Сашенька, детка...— охнула Дарья Никитична.

— Не утешайте меня. Не надо,— шептала Саша лихорадочно.— Вас на днях выпустят. Возьмите мою косу. Попросите конвойного отрезать вам на память. А вы отнесите её к дому купца Жиляева, что у трактира. Прямо из тюрьмы, сейчас же! Там во дворе в подвале спросите Андрея Пряхина. Шахтёр он, запальщик. Косу передадите ему. Запомните — Андрей Пряхин...

...Сашу казнили на рассвете, когда потухали звёзды, а птицы пели свои первые песни.

Конвоир саблей отрезал уже у мёртвой Саши косу и отдал Дарье Никитичне.

Дарью Никитичну вскоре выпустили, и она прямо из тюрьмы отнесла косу к дому купца Жиляева, что у трактира, и там во дворе в подвале передала её шахтёру-запальщику Андрею Пряхину.

Когда Дарья Никитична ушла, Андрей взял косу, расплёл её и вынул свёрнутую тонкую бумагу — это был приказ большевистского центра.

ФЛАГ ЗАБАСТОВКИ

Лёнька работал в механическом цехе уборщиком. Высокие стоптанные сапоги приходились Лёньке повыше колен, а зелёная армейская куртка, подарок солдата, была Лёньке так широка, что он подвязывал её бечёвкой.

Возил Лёнька по цеху большую деревянную тачку, а на тачке метлу и железный крюк, чтобы оттаскивать им от станков вороха металлических стружек.

Подъедет Лёнька к станку, подметёт вокруг него, нагрузит стружки на тачку и увозит на склад, где собирали по заводу утиль.

За белую кудрявую голову окрестили рабочие Лёньку «Седеньким».

— Эй, Седенький,— доносилось сквозь шум станков из одного конца цеха,— кати сюда!

— И к нам заверни, Седенький! — просили из другого конца.

И Лёнька, гремя тяжёлыми сапогами, катил тачку от станка к станку, убирал, подметал и опять катил, наваливаясь на неё грудью, и опять подметал, выскребал и чистил.

Единственным Лёнькиным развлечением было подъехать с тачкой к токарному или фрезерному станку и наблюдать, как ползёт от станка, скручивается стружка.

Лёнька уже изучил, что сталь даёт белые, синие и малиновые стружки. Они острые и могут поранить. Когда точат медь, то стружка получается жёлтая и мягкая, как бумага. От чугуна летит серое мелкое крошево. А самые приятные — это бронзовые. Они струйкой сыплются из-под резца; подставишь ладонь — тёплые, будто речной песок.

Был у Лёньки друг и заступник, Никита Савельевич, молотовой мастер. Он работал на паровом молоте.

Лицо и руки Никиты Савельевича были тёмными от постоянного огня в кузне. Ходил он в валенках, чтобы искры не палили ног, и в кожаных нарукавниках.

В свободное время Лёнька приходил к Никите Савельевичу в кузнечный цех. Грохотали, шипели горячие от пара молоты. Клокотали в горнах нефтяные горелки, сотрясались бетонные полы.

У Никиты Савельевича для Лёньки всегда находился какой-нибудь гостинец: петушок из леденца, ириска, ромовый кренделёк.

Однажды осенью решили рабочие повесить красный флаг, чтобы все в районе видели, что они бастуют, и присоединились к ним.

Решить-то решили, но куда повесить флаг? На ворота? На здание цеха? На каланчу? Нет, всё это не годится: городовые мигом его сорвут.

И рабочие придумали: повесить его на заводскую трубу. Но как залезть на трубу и кто полезет? Вот вопрос. Скобы, вбитые в неё, были старыми и ржавыми, так что человек, который отважится подняться, должен быть лёгким и цепким.

Прослышал об этом разговоре Лёнька и начал упрашивать Никиту Савельевича, чтобы рабочие разрешили ему, Лёньке, подняться — он и лёгкий и цепкий.

Вызвали Лёньку члены стачечного комитета, поглядели на него и сказали:

— Доверяют тебе рабочие свой революционный флаг. Понимаешь ты это?

Лёнька одёрнул свою солдатскую куртку и ответил:

— Как не понять. Понимаю.

...Над слободой стояли тёмные, в тумане, ночи. Плавала на лужах копоть. Грязь затопила дороги. Окна заводских корпусов не озарены пламенем печей — тихо и безлюдно.

Молчат машины: забастовка.

В одну из таких ночей и было решено поднять флаг.

Слесари прикрепили к стальному стержню красное полотнище и передали Никите Савельевичу.

Ночью Никита Савельевич, Лёнька и ещё несколько рабочих подобрались к трубе. На случай, если нагрянут сторожа, выставили дозорных.

— Сапоги скинь,— посоветовал Никита Савельевич Лёньке.— Нога может соскользнуть.

Лёнька снял сапоги. Кузнец пристроил ему на спине флаг, чтобы руки свободными были.

Лёнька чувствовал, как напряжённо стучало сердце, будто оно одно занимало всю грудь. А вдруг он не долезет? Не сумеет?

Никита Савельевич крепко обвязал Лёньку верёвкой с крючком на конце. Полезет Лёнька и будет на скобы, которые поцелее, крючок накидывать, чтобы не сорваться, если нога соскользнёт или руки устанут.

А на заводском дворе по-прежнему тихо, мелкий дождь только шелестит.

— Ну,— сказал Никита Савельевич,—полезай.

Лёнька кивнул и босиком начал карабкаться по громоотводу. Его небольшая фигурка медленно скрылась в тумане.

В напряжённой тишине прошло минут десять. Вдруг шорох: спускается Лёнька, и флаг с ним.

— Ты что? — спрашивает Никита Савельевич.

Лёнька съёжился и молчит.

— Да что с тобой? Озяб, может?

— Забоялся я,— проговорил Лёнька, а сам в глаза Никите Савельевичу не глядит.— Там скобки ослабли. Под ногами шевелятся.

Молчат рабочие. Ветер по небу, точно чёрный дым, тучи гонит.

— Что ж, коли так,— сказал наконец Никита Савельевич,— пошли по домам.

— Нет,— горячо зашептал Лёнька и схватил кузнеца за руку.— Дядя Никита, не уходите! Я ещё раз испробую. Я и по крышам лазил и на колокольню — ничего. А по трубам не лазил. По-первому всегда боязно. Ветер там, аж качает.

— Ну ладно,—сказал Никита Савельевич.—Сядем, покурим. А ты, Лёнька, передохни, успокойся.

Рабочие присели на платформу грузового крана, который стоял рядом, и закурили, пряча в кулаке огоньки папирос. Сиде-

ли согнувшись и молчали. Когда докурили, Никита Савельевич подошёл к Лёньке и сказал:

— Только оберегайся. Иначе не пущу.

Лёнька снова карабкается по трубе. Скобки влажные, холодные, от них стынут пальцы. Дует мокрый ветер. Чем выше взбирается Лёнька, тем сильнее он дует. Лёнька прижимается к кирпичам, прячет от ветра лицо. У Лёньки намокла голова, струйки воды стекают за широкий ворот куртки.

Внизу, сквозь дождь, блестят огни дальних посёлков. Лёнька закрыл на мгновение глаза: высоко-то как, только бы не испугаться! Пальцы на ветру коченеют, больно сгибать их.

Где же конец трубы? Скоро ли?

Лёнька одной рукой держится, а пальцы другой руки в рот кладёт, согревает. Маленький, щуплый, прибился он к трубе и висит над пропастью.

Лёнька подтягивается на руках, упирается ногами и метр за метром продвигается выше.

Потом он уже смутно помнил, как добрался до вершины трубы, как приворачивал проволокой к громоотводу стержень с флагом, и только одно Лёньке навсегда запомнилось — как развернулось и ожило на ветру большое красное полотнище.

А Лёнька, ухватившись за громоотвод, плакал от счастья и слушал, как оно хлопало над самой его головой.

Наутро приехал пристав и объявил, что даёт пятнадцать рублей тому, кто флаг снимет. Но охотников рискнуть не нашлось.

Весь день провисел красный флаг.

Пристав сорок рублей назначил. По тем временам это большие деньги были. Рабочему их и в месяц не заработать.

И вот нашёлся один желающий — предатель и провокатор Тюха. Добрался этот Тюха до скобок, которые шатались, да струхнул и вернулся.

Обуяла тогда ярость полицию, и давай они флаг из винтовок расстреливать. Хотели пулями древко расщепить. Но слесари не зря стальной стержень подобрали — не переломишь его даже пулями.

А флаг себе развевается! И бастуют уже рабочие в районе на всех заводах и фабриках!

*

Через много лет после Октябрьской революции заводскую трубу одели в леса, чтобы отремонтировать. Верхолазы ещё с земли обратили внимание, что громоотвод на трубе длиннее обычного и толще. А когда они поднялись до конца трубы, до её короны, то разглядели, что к громоотводу привязан стальной стержень.

Верхолазы хотели снять его, но об этом узнали рабочие и позвали Никиту Савельевича.

И кузнец рассказал про мальчика Лёньку, про то, как он поднял флаг и какое это имело значение для всеобщей забастовки.

Вскоре ремонт трубы закончили и леса убрали.

Стоит теперь труба чистая, без трещин, без копоти, а под солнцем сверкает стальной стержень.

КОГДА МОЛЧАЛ ГУДОК

Красные полки выбили белогвардейцев со станции Краматорская. Надо было срочно пустить большой Краматорский завод.

Но угля нет. Завод стоит. Шахтёры не могут помочь заводу, не могут дать уголь: подъёмные машины, вагонетки, насосы, моторы — всё на шахтах разбито.

Рабочие собрались на митинг. Думали, гадали: как быть? Казалось, выхода не было. Но тут выступил механик Булавин. Он сказал, что выход есть!

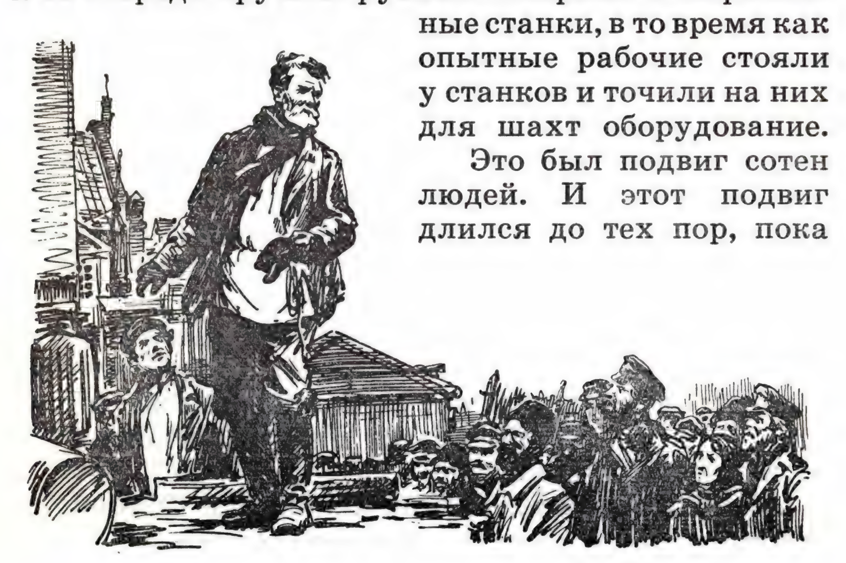
Булавина слушали внимательно. Речь он кончил словами:

— Ну как, сдюжим?

— Сдюжим! — ответили рабочие.

И на следующий день завод заработал. Но трубы его не дымили: все люди города пришли на завод и по очереди крутили руками токарные и сверлильные станки, в то время как опытные рабочие стояли у станков и точили на них для шахт оборудование.

Это был подвиг сотен людей. И этот подвиг длился до тех пор, пока

шахты не получили подъёмные машины, насосы, вагонетки, моторы — всё, что им было необходимо для работы,— и не прислали первые тонны угля.

Из заводских труб повалил густой чёрный дым, загудел над городом первый гудок: большой Краматорский завод был пущен!

ГРИНЬКА

Денисов и Шубин были посланы комитетом большевиков к шахтёрам в посёлок Манжонка.

У шахтёров давно уже не было получки, потому что управляющий шахтами Ликонт объявил, будто в банке в Костомаровке пропали деньги — их захватили бандиты под кличкой «зелёные».

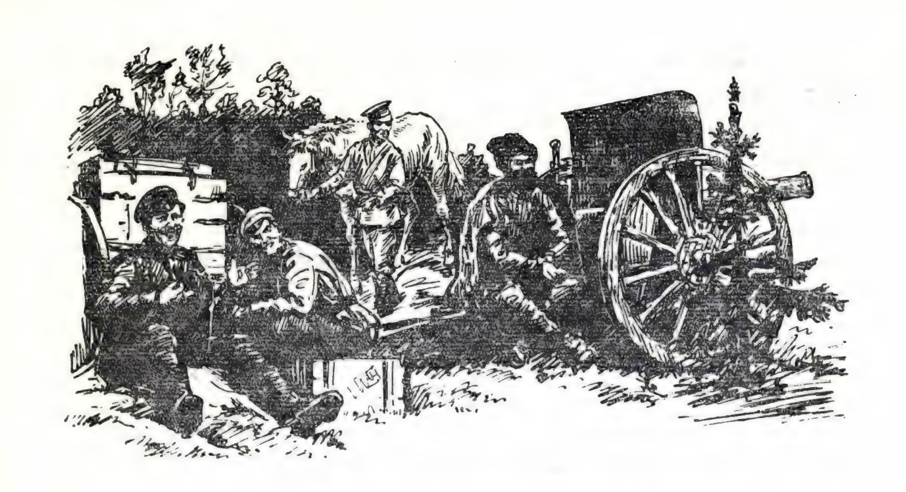
Но Ликонт шахтёров обманывал: «зелёным» в банке достались только мешки с серебряной мелочью, крупные деньги задолго до ограбления были уже отправлены в Манжонку.

Комитет большевиков и послал Денисова и Шубина, чтобы выяснить, куда же девались деньги.

Денисов и Шубин шли обветренные, измученные горячей степью и бессонницей. Шли переметёнными пылью тихими дорогами и заросшими кустарником суходолами, переправлялись через омутистые речушки и камышовые затопи, чтобы не наскочить на «зелёных», которые промышляли здесь, в степи.

Был случай, когда несколько «зелёных» заметили их и погнались, но не догнали, потому что бежать им было трудно: карманы, пазухи и даже широкие голенища сапог были набиты мелкими серебряными деньгами.

В одном из шахтёрских селений к Шубину и Денисову приблудился паренёк Гринька.

Неведомым нюхом, свойственным только мальчишкам, он определил, что они и не белые, и не «зелёные», а именно красные.

Знакомство с Гринькой началось с того, что он заявил:

— Я могу быть разведчиком.

— Мимо,— весело сказал Шубин.— Разведчики нам сейчас не нужны.

— Я и пулемётчиком могу,— не сморгнув, соврал Гринька.

— Опять мимо,— ответил Шубин.— Пулемётчики тоже не требуются: нет пулемёта.

Но Гринька не унимался:

— Тогда большевиком могу.

— Хитёр, как мышь,— одобрительно засмеялся Шубин.

На этот раз Гриньке нельзя было отказать в товариществе: большевики требовались всегда.

Как выяснилось, Гринька был родом из Манжонки, поэтому вполне подходящий спутник.

День уже клонился к вечеру. Было пасмурно,

натягивало дождь. Надо было подыскать какой-нибудь крытый приют.

По дороге попались солдаты. Они сидели возле трёхдюймовой пушки и курили махорчатые кручёнки.

Солдаты были из прежних царских дивизий. Но они уже не воевали за царя, а перешли на сторону революционных войск.

— Эй! — крикнул один из них.

— Чего? — спросил Шубин.

— Купите пушку!

— А ну...— отмахнулся Шубин. Он знал всякие солдатские шутки.— С нас пуговки не сорвёшь!

Гринька, конечно, ничего не знал, поэтому не удержался и спросил:

— А почём пушка?

— Пять копеек фунт,— ответил солдат под громкий смех приятелей.

Гринька понял, что над ним издеваются и полез в драку (характер у Гриньки оказался очень вспыльчивый). Солдаты сделали вид, что перепугались Гринькиного характера, и запросили пощады.

Тут же завязалось знакомство, потому что солдаты были не такими уж плохими людьми. Они сказали, что только сегодня из Манжонки, что Ликонт действительно деньги рабочим не платит. И что

с ночёвкой лучше всего устроиться в пустой усадьбе. Она вот здесь, в лесочке.

Шубин, Денисов и Гринька распрощались с солдатами и заторопились в усадьбу: уже совсем стемнело и накрапывал дождь.

Постройки усадьбы были сильно разрушены. Сохранился флигель с тесными, грязными окнами и фанерной дверью. Внутри стояли скамейки, валялись черепки глиняной посуды, окурки, сухие, исклёванные птицами кукурузные початки. В углу — ворох старого, мятого сена.

Шубина и Денисова настолько сморила усталость, что они, наспех подперев дверь скамейками — чтобы не забрёл какой-нибудь нежеланный гость,— с удовольствием улеглись на сене, от которого приятно потягивало грибной прелью.

Гринька сказал, что спать не хочет, и предложил:

— Я буду вас охранять.

Шубин и Денисов не протестовали — охраняй.

— А наган?

Они сделали вид, что не расслышали.

— Мне нужен наган! — повторил Гринька.

— Денисов, дай ты ему наган,— сонно буркнул Шубин.— Только, милости ради, пусть отвяжется.

Вскоре Денисов и Шубин уснули под звонкий перестук дождевых капель по железным подоконникам флигеля. Но долго спать не пришлось.

Проснулись они от громкого выстрела. Вскочили — ничего не поймут. Во флигеле светло от луны. Дождя нет. Едко пахнет кислыми пороховыми газами.

— Что?

— Что такое?

В проёме окна застыл Гринька. В руках у него наган.

— По карнизу кто-то лез,— прошептал Гринька.— Я, наверное, троих убил.

— Чего врёшь! —сердито сказал Шубин и осторожно выглянул в окно.— Ты только раз стрелял.

— Ну и что ж, всё равно троих, не меньше,— упрямствовал Гринька.

Во дворе усадьбы было тихо. От деревьев лежали на земле мягкие лунные тени. Вошли в силу, сгустились к перелому ночи звёзды.

Сон был нарушен Гринькиным выстрелом, поэтому Шубин и Денисов решили отправиться в Манжонку сейчас же. Разбаррикадировали дверь и выбрались во двор, всё ещё соблюдая осторожность.

— «Я разведчиком... Я пулемётчиком...» —пристыдил Гриньку Шубин.— «Я троих убил...»

Гринька шёл смущённый. Ему так хотелось отличиться, оказать какую-нибудь услугу.

В Манжонку прибыли в полдень. На улицах посёлка было пустынно. Ветер шелестел неубранной кукурузой и потемневшими подсолнухами. Кое-где у колодцев толпились женщины с вёдрами.

— С чего начнём? — спросил Денисов.

— В контору пойдём. Гринька, веди.

Гринька повёл мимо шахтёрских домишек, мимо сараев, собранных из негодных шпал, и наконец вывел на площадь к каменному зданию конторы.

Возле входа в контору дежурили вооружённые карабинами охранники в барашковых шапках.

Денисова и Шубина они в контору не пустили:

— Управляющий занят!

— Нам необходимо его видеть,— настаивал Шубин.

— А ну, прочь! — И охранники взяли карабины наизготовку.

Денисов и Шубин отошли от конторы.

— Вот что,— предложил Денисов.— Соберём на площадь рабочих и всё им расскажем.

— Как их соберёшь?

— А тревожный гудок на что?

— К гудку ещё подобраться надо.

— Я подберусь,— сказал Гринька.

— Валяй, разведчик,—кивнул Гриньке Шубин.

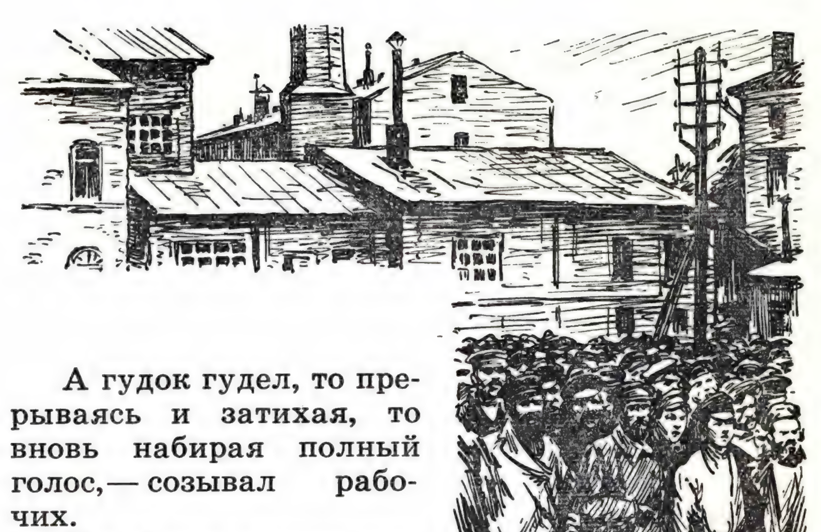
Гринька мигом исчез, юркнув в щель ближайшего забора.

Ждали Гриньку долго. И уже было подумали, что затея с гудком не удалась, как вдруг гудок загудел мощным низким голосом. Охранники заметались, не зная, что предпринять.

Из открытого окна конторы со второго этажа высунулся человек с сухим нервным лицом в домашней бархатной шапочке и приказал:

— Что стоите? Прекратить!

А гудок гудел, то прерываясь и затихая, то вновь набирая полный голос,— созывал рабочих.

И рабочие потянулись на площадь узнать, что случилось.

Шубин взбежал на ступеньки конторского крыльца и поднял руку:

— Сюда, товарищи! Сюда!

Охранники попытались стащить Шубина со ступенек, нацелили угрожающе карабины. Шубин выхватил наган. Денисов кинулся к Шубину на подмогу тоже с наганом.

Всё больше и больше рабочих бежало на площадь. Охранники поняли, что борьба кончится не в их пользу, и опустили карабины.

Гудок замолк.

— Ну, что там у вас? — опять высунулся человек в бархатной шапочке.

— Кто это? — спросил Шубин охранников.

— Управляющий.

— Спуститесь к нам, господин управляющий,— вежливо, с улыбкой сказал Шубин.

— Это что? Как вы смеете?

— Значит, смеем. Лучше сами сойдите, не то приведём.

Денисов беспокоился о Гриньке: не схватил ли его кто-нибудь из охранников там, у гудка.

Ликонт вышел на парадное в узких серых брюках и синем френче.

— Отвечайте: где деньги? — прямо спросил Шубин.

— Какие деньги?

— Казённые, не ваши, конечно.

— Я вас не понимаю.

— Ах, не понимаете? Сейчас поймёте! Деньги рабочих, их зарплата.

— Я уже объяснил.— Голос Ликонта сделался усталым и равнодушным.— «Зелёные» ограбили...

— Не «зелёные»,— прервал его Шубин,— а вы ограбили.

Шубин сказал это наугад. Ведь никаких прямых доказательств, что деньги у Ликонта, ни у Шубина, ни у Денисова не было.

— Кто вы такой?! — взвизгнул раздражённо Ликонт.

— Прохожий,— невозмутимо ответил Шубин.

Рабочие плотнее сдвинулись вокруг конторы, выжидающе молчали.

— Сами принесёте или послать кого?

— Денег у меня нет.

— Ды вы не торопитесь,— всё так же невозмутимо продолжал Шубин.— Вы припомните. Там, у вас в кабинете, в стальном ящике они и лежат — пачечками, перешнурованные, пересчитанные...

— Ну знаете ли! — опять взвизгнул Ликонт.

— Знаем. Для этого и навестили вас.

Через полчаса Денисов и Шубин сидели в кабинете Ликонта за широким полированным столом и выдавали зарплату рабочим.

Гринька сидел рядом.

Он был абсолютно счастлив, чувствовал себя большевиком, участником подлинно революционного дела.

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТ

Кто-то посадил возле шахты молодую яблоню.

Ей грозила гибель от едких газов коксовых печей. Но яблоня не погибла и зацветала каждую весну.

Шахтёры, возвращаясь с работы в посёлок, осторожно прикасались исцарапанными углем пальцами к её ветвям и радовались, что яблоня цветёт чистым снежным цветом среди рудничной грязи и копоти.

Однажды в посёлок нагрянула банда гайдамаков.

Но недолго они пробыли в посёлке. К шахтёрам на подмогу из города пришёл красноармейский полк и выбил гайдамаков.

В бою пули и осколки снарядов повредили молодую яблоню.

Шахтёры загрустили: не выживет яблоня — насмерть поранили её гайдамаки...

Девушка-санитарка из красноармейского полка узнала о беде шахтёров.

Она пришла к яблоне, достала из своей санитарной сумки бинт и бережно перевязала каждую надломленную ветвь, каждую выбоину от пули и осколка снаряда.

Вскоре красноармейский полк ушёл из посёлка.

Ушла с полком и девушка-санитарка.

А яблоня выжила, окрепла и в первую же весну вновь зацвела среди грязи и копоти чистым снежным цветом.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего возраста

Михаил Павлович Коршунов

РАССКАЗЫ СТАРОГО ШАХТЁРА

ИБ № 4702

Ответственный редактор
С. П. Мосейчук.

Художественный редактор
М. Д. Суховцева.

Технический редактор
Е. В. Пальмова.

Корректор
Г. Ю. Жильцова.

Сдано в набор 29.05.80. Подписано к печати 16.10.80. Формат 60×84 1/16. Бум. тип. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 2,61. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1696. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

К читателям

Отзывы об этой книге просим присылать
по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Коршунов М. П.

К70 Рассказы старого шахтёра/ Рис. Л. Хайлова.— М.: Дет. лит., 1981.— 63 с., ил. (Маленькая историческая библиотека).

10 к.

Маленькая повесть о том, как жили шахтёры в дореволюционное время, их участии в подпольной революционной борьбе.

К $\frac{70802-009}{М101(03)81}$ 346—81 **Р2**

10 коп.